

После смерти Гайдая, не самых удачных последних фильмов Рязанова, после ухода великих Евгения Леонова, Иннокентия Смоктуновского, Ролана Быкова, Юрия Никулина, Анатолия Папанова, Евгения Евстигнеева, Олега Даля, Андрея Миронова... О, какой длинный (хотя и не полный) поминальный список актеров, умевших блестяще играть и комедийные роли!

В общем, после всего этого порой кажется, что наша комедия надолго останется в прошедшем времени, тем самым очеловечивая и даже идеализируя его... Но талантливых людей в России, слава богу, много.

И вот после «Праздника Нептуна» забил «Фонтан» Мамин, а потом открылось и его же «Окно в Париж»...

На счастье, петербургский режиссер-комедиограф Юрий МАМИН еще достаточно молод. И не только энергичен, но и неистощим на идеи.

Предлагаем вашему вниманию беседу с Ю. Маминым.

● Отдел культуры

— Юрий Борисович, вопрос, конечно, традиционный, но мне это действительно очень интересно: что-нибудь сейчас снимаете?

— Сейчас я монтирую — вот прямо сейчас и здесь, дома за компьютером, — телефильм «Русские страшилки». Это будет парфраз «Секретных материалов» несколько пародийного толка. Герои сериала — работники очень скромной газеты «Русские страшилки», которая располагается чуть ли не в продуктовом магазине. Потому что ее хозяин одновременно и хозяин магазина. Когда торговля плохо идет, он размещает редакцию в торговом зале: вот здесь будете работать! «Как, прямо рядом с весами? А полки мне эти зачем?» — «Поставите книги». Потом говорит: все, хватит, пошли опять в кладовку. «Да мы же здесь только расположились!» — «Хватит, вы мне не приносите никакого дохода. Я буду теперь торговать». Ну вот, такой идиотизм у них, этот менеджер или продюсер. Газета пишет про различные аномалии. В коллективе есть свой Циник, есть Подлипала и есть Романтик, Лев Венедиктов — романтик своего дела. Он мечтает исследовать все эти аномальные явления, верит в них сразу же.

И втягивает всех в этот идиотизм, и всё идиотизмом заканчивается. Примерно так в каждой серии. Во второй будет про домового-алкоголика, который выпивает все в доме. Просто бутылки пропадают на глазах — и хозяева уже давно перестали праздновать. Приходит к ним, проверяют — действительно так. Журналистам уже никаких денег не хватает. Бутылку принесут — нету. Еще одну — нету.

— Эти истории — фантазии сценариста?

— Ну, как сказать... Частью — фантазии, частью — из жизни. Вот, например, у Вячеслава Лейкина (петербургский поэт, сценарист — «Имитатор», «Бакенбарды») есть такая поэма «Свинья», написанная а-ля «Евгений Онегин», — только о том, как свинью вывозят с мясостомбината. Надевают на нее пальто, шляпу, сажают в машину рядом с водителем. Это действительно был такой случай, и у нас была такая серия — про свинью-оборотня, которая совершает различные преступления. Много забавного там может быть и не обычного для нашего ТВ. Ну утомили уже эти детективы вне зависимости от того, что лучше сделано, что хуже. Что говорит «смотритель детективов»? «Я так устал от жизни, я хочу посмотреть что-нибудь, чтобы отдохнуть после... чего-нибудь». Елки-палки! Кто же устает от жизни? По-моему, у нас только и делают, что отдыхают, отгадываются.

— Тем не менее все ваши фильмы, по-моему, вполне можно отнести к категории «кино для всех».

— Потому что жанр такой. Комедия. Мне хочется использовать этот жанр, следуя поговорке: поучая — забавляй. Чтобы при остром сюжете, когда зритель заинтересован, он вдруг сталкивался с чем-то, что заставит его над чем-то

Юрий Мамин (в центре)

посмеяться, удивиться. Когда ты уже завлек зрителя, массового зрителя, можно и замедлить темп, где смешно — дать трагедию.

— А вы не думали снять «серьезное» кино?

— Я уже не в том возрасте, чтобы искать что-то новое, метаться. Но вообще я поздно начал работать. Это приходится признать, увы...

— Поздно — это когда?

— В сорок лет я начал снимать кино. Снял «Праздник Нептуна», «Фонтан», «Бакенбарды», «Окно в Париж», «Горько». С годами, конечно, начинаешь замечать, что той легкости, с которой раньше придумывалась всякая чепуха, уже нет. Но есть вещи очень существенные, которые никто не говорит и которые хочется сказать. А на кино денег нет.

— А как появилось «Окно в Париж»?

— «Окно в Париж» было придумано задолго до того, как я его снял. Еще в застойные годы. Но тогда кому бы дали снимать этот фильм? А тут пришло время...

— Кем он был придуман?

— Говорят, его придумал московский режиссер Григорий Аронов. Он рассказал сюжет Герману, тот еще кому-то, его знали многие. Я — один из последних, кто его узнал. И сразу схватился за него. Вот это то что надо. Это то, что соответствует времени, когда здесь никто жить не хочет, а там — не может.

— Юрий Борисович, если бы у вас были деньги, какой фильм вы сняли бы сейчас?

— Мне хотелось бы снять сценарий, написанный по мотивам «Записок» де Кюстина. Был такой маркиз, который приехал в Москву в 40-е годы позапрошлого века. Поскольку он был человек популярный, его приняли на самом высоком уровне. Николай Первый его обладал и велел ему во всем помогать при написании его «Записок». Ждали, что он напишет что-то остроумное, интересное, комплементарное. Его пустили к архивам, его повсюду возили, хотя и следили за ним. Мар-

киз де Кюстин оказался на редкость остроумным и умным человеком. Он пробыл здесь всего несколько месяцев, но какие он выводы делает насчет России, российского характера и того, что здесь происходит, — это так точно, так мудро. Русским писателям понадобилось гораздо больше страниц, чтобы это изложить, а он моментально понял рабство, которое находится в корне нашего характера. Причем он же не про крепостных писал. Вот он в Петербурге, тогдашней столице: улицы города необыкновенно оживлены

убить царя — и мгновенно все это исправить. Герцен призвал к поступательности: сначала себя, потом у тебя само по себе все станет нормально, не надо будет никого убивать. Но кто его послушал?

Реформы всегда трудно проходили. Крепостное право никто не хотел отменять. А когда отменили, возникла банда дикая Россия. Количество банд на дорогах было примерно такое, как в американских вестернах, и не меньше, чем сейчас. Мы шарахаемся из сто-

жизнь, нам предлагают вместо нормальной жизни эту вот.

— Но если возникнет потребность в настоящем, и ее как-то надо будет удовлетворять. Кто это будет делать?

— Появляются новые имена. Уровень кинематографа с точки зрения формы начинает прибавлять. Балабанов, «Брат-2», Лунгин. Но сведение нашей жизни к криминальному миру и криминальным героям меня абсолютно не устраивает. Я не криминальный герой, и все вокруг меня не имеют к ним ни малейшего отношения.

Это странное общество надо разобрать, его надо препарировать и посмотреть: что там такое? Это делали Гоголь, Салтыков-Штедрин. Это нужно людям, они начинают лучше понимать самих себя. Хотя они и не читают. Кино — единственная форма, которую массы сейчас воспринимают.

— Юрий Борисович, судя по тому, как у вас дома, видно, что вам много для вас значит.

— Я люблю свою квартиру, я в ней родился. Она сейчас стала отдельной; было много жильцов, моих многочисленных родственников. Они все поумирали. Последней умерла мать три года назад. Остались от семьи только жена да дочка. И вот так как-то живем, замкнуты друг на друге. Дочь пока не замужем — я думаю, именно привычка к семье не дает ей этой возможности. Ей, я полагаю, боязно променять одно на другое, боится она другого мира. Дочь — артистка, жена

политбюро разобрали его к себе на дачи. И я сразу получил другую картину. И так все шло по восходящей, и, казалось, этому конца не будет. А потом все как бы расселись по местам, кино перестало сниматься в принципе, а телевидение попало в руки людей, которые успели приобрести средства производства потому, что им разрешили не платить взятые в банке большие суммы. Кто не боялся, что он не отдаст, — тот схватил. И вдруг, вместо того чтобы в тюрьму их посадить, им все это простил Ельцин, потому что ему тоже надо было на кого-то опереться, чтобы его поддержали. Вот так и получилось, что средства оказались в руках воров и они стали диктовать свои условия, будучи в этом смысле не слишком интеллигентными, образованными и понимающими. Есть молодые ребята, которые свободно мыслят в области клипа, но от этого содержательности не прибавляется — а это именно то, чего не хватает. Мелькание уже надоело, оно никого не устраивает. Если так будет продолжаться, то ничего хорошего, конечно, ждать не приходится. Я считаю, это можно назвать словом «одичание». Изменилось сейчас и представление о кумирах. Кумирами стали мальчишки-девочки. Никого не смущает их эпатажность. Что они делают с головами своими, с рожей, со словами, что они поют. Это не только крайне безграмотно, это еще бывает и крайне неприлично, пошло. Это очень вредно для общества.

— Но вы сами снимаете смешное, и от ваших фильмов не остается пессимистического следа...

— Я вообще жизнь люблю. Я бы еще раз прожил. Есть ради чего жить. Друзья, книги, музыка, лес. И потом — мы ведь так мало знаем! Вот я думаю: ну, черт, ну ладно, я не имею возможности высказаться, как-то зарабатывать деньги на жизнь — так, может, просто мне что-то узнать нужно? И я стараюсь, узнаю. Я монтаж новый сейчас осваиваю, раньше этим занимались только специалисты — монтажеры, компьютерные графики. Я хочу знать, как это делается, сам. И веселый взгляд на жизнь помогает.

— Взгляд на жизнь как на смешное кино?

— Как-то в начале перестройки была у меня назначена встреча с руководителями кино-салона, который располагался на Московском вокзале, внизу, там, где билеты раньше продавали. Зашел я в бар, а с другой стороны, смотрю, свет выключен, что-то вроде видеозала — и показывают самую грязную, дикую порнуху. Я думаю, как это народ смотрит? Я не вижу публики, вижу только силуэты, запытки. Кончается сеанс, включают свет... И что же я вижу? Встают бабки, колхозницы, сумками, с детьми... Дети! Мужики в кепках и с чемоданами. И у них такое выражение на лицах, будто их заставили съесть много дерьма. Встали... И медленно пошли. И тут заходит следующая такая же и садятся.

— Какой это был год?

— 1992-й.

— Да, с тех пор в этом смысле все основательно прояснилось. Надо всем можно посмеяться?

— Нет. Но... Ведь многие советские фильмы сейчас невозможно смотреть. А что осталось, что все до сих пор смотрят? Комедии. Это вне времени — смешное. Хотя здесь тоже очень важно иметь чувство меры. Когда начинаются штампы, банальности, когда артисты наигрывают, подпрыгивают — это уже бездарная клоунада. Смешное есть внутри жизни, и специально валять дурака не надо.

● Елена САРАН
Санкт-Петербург

НЕ НАДО ВАЛЯТЬ ДУРАКА. ОН ВСЕ РАВНО ВЫСТОИТ

(гораздо более, чем в тогдашней Европе), все куда-то несутся, как сумасшедшие, все дороги и дома ремонтируются. И вот наступает другой день, он выходит на улицу и видит, что никого нет вообще. Что такое? Невский пустой. Вроде уже рабочий день начался. А чего, спрашивает он, так спокойно? И ему отвечают: Государь отбыл в Царское Село. Все делается ради начальника, и когда он уезжает — все, жизнь останавливается. Для себя не живет человек. Он не живет для своего дома, я наблюдал это в деревне — дом разваливается, есть нечего, а он рассуждает о том, что Сахарин отдадут каким-то там... Он будет драться за это, будет ходить на собрания — и попробуй поспорь с ним! Он еще дубину возьмет и оглоушит.

И с тех пор ничего не изменилось. Ни одна реформа, ни одна замена строя ничего не изменила в характере человека.

— Но бывали же времена, когда изменения все-таки намечались?

— Дело в том, что они намечаются постоянно. Но они сгорали в России под натиском революционного сознания, которое не хочет поступательности. Терроризм, не-терпимость, желание убить,

роны в сторону — от полицейского государства до криминальной свободы. Почему мне кажется, что нужно снять такой фильм? Потому что, не имея исторической памяти, мы все время проходим по одному и тому же кругу и как бы не учитываем исторического опыта. А надо его запоминать все время. Если делать это еще и смешно, то есть надежда, что когда-нибудь мы со смехом расстанемся со своим прошлым.

Я, как человек, который делает для публики, должен о ней думать. Что мне наиболее неприятно и наиболее страшно: ощущение себя в обществе, которого я не понимаю. Мне неинтересно с теми, кто только зарабатывает деньги, потому что это неинтересно само по себе. Я знаю этих людей, банкиров молодых, которые очень увлечены этим. А некоторые говорят: если я за день кого-то не обманул, день зря прожит. И я должен сказать, что эти слова исходят от депутата. И поговорить в обществе становится не о чем, кроме как об очередном аресте врага какого-нибудь депутата. Кого-то сняли, кто-то там без штанов оказался с проститутками в бане. Ничего более интересного нет, и ты думаешь: нам подменяют

тоже. Я не думал, что дочка станет артисткой, я думал, она будет музыкантом, петь она хотела. Катя — способная девочка. Ее первая крупная и очень удачная роль — в пьесе «Санта-Круз», в «Приюте комедианта». Это главная женская роль со слезами, рыданиями, длинными монологами — и ее слушают все затаив дыхание. Но широкой публикой это пока не востребовано.

— А хочется? Нет возможности успокоиться, играть свои роли в своем небольшом театре, перед своей аудиторией?

— Нет, есть амбиции, вероятно, в наследство достались. Я думаю, амбиции в профессии, когда человек занимается искусством, необходимы. Они помогают с ленью бороться и что-то с собой делать. А что касается кино, она у меня часто играет, вот в «страшилках» сейчас играет косоглазую журналистку.

— «Страшилки» вы делаете сейчас, а как все начиналось?

— Первый фильм — «Праздник Нептуна» по сценарию Вардунаса. Сначала никто не принимал этого сценария, только Рязанов меня поддерживал, тогда уже менялась власть, и этот фильм пошел. Он стал гвоздем начала перестройки, был показан на всех творческих съездах, все члены